

УДК 821.161.1

*А.А. Честяев***СОБЫТИЙНАЯ ОНТОЛОГИЯ НЕБЫТИЯ: ОБ ОДНОЙ МОДЕЛИ СЮЖЕТОСТРОЕНИЯ В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ И. БРОДСКОГО**

В статье рассматривается сюжетная репрезентация небытия в поздней поэзии И. Бродского. Начиная с 1993 г. и до итогового стихотворения «Август» в творчестве поэта происходит разворот к классической форме текстостроения, и на первый план выходят 16-тистрочные стихотворные тексты, в которых реализуется событийное постижение небытия как ценностно-смысловой константы мировоззрения лирического субъекта и единственной перспективной точки человеческого существования. В подобных структурах в поздней поэтике И. Бродского можно выделить универсальные точки сюжетного развертывания, так или иначе ведущие к утверждению небытия в качестве онтологического итога движения миропорядка. Лирический сюжет здесь складывается из идентичных событийных узлов: 1) констатации самополагания «я» в вещественной упорядоченности универсума; 2) акцентировании пространства во всей его предметной полноте; 3) переводе изображаемой ситуации в план онтологического противостояния «частного» и «всеобщего»; 4) репрезентации свершающегося наступления небытия, осмысляемого в качестве абсолютного итога существования. Данная модель сюжетного строения в поздней поэтике И. Бродского не только представляет небытие рефлексивно утверждаемой идеологемой, но и выводит его из общей логики ситуативно-событийных моментов человеческой жизни. В 16-тистрочных стихотворениях 1993–1996 гг. И. Бродский показывает, как единое и извечное «событие бытия» (М. Бахтин) оборачивается своей онтологической противоположностью: свершающееся наступление небытия является целью и итогом бытийного самоопределения лирического субъекта, вовлекаемого в ситуативную многомерность исчезновения индивидуального «я» и человеческого мира в целом.

Ключевые слова: И. Бродский, лирический субъект, репрезентация небытия, лирическое сюжетостроение, пространство, событийность, художественная онтология.

Известное утверждение И. Бродского о том, что в центре его мировоззренческих исканий находятся «время и тот эффект, какой оно оказывает на человека» [2. С. 110], в полной мере реализуется в структуре его художественного универсума, в котором осмысление воздействия времени на человека является фундаментом поэтической рефлексии. Существование, вписанное в темпоральные границы, необходимо ставит вопрос о перспективе земного бытия и его смысловом итоге. Таким итогом в мировосприятии И. Бродского мыслится онтологический переход в пустоту. Поэтому основой художественной идеологии творчества поэта оказывается попытка верификации небытия как универсальной категории, определяющей человеческую экзистенцию. Мир после человека и человек, исчезающий из пространственно-временной определенности Мироздания, помещаются в центр моделируемой в творчестве И. Бродского реальности.

К проблеме ценностно-смыслового наполнения категории небытия и тождественных ей понятий «пустота» и «ничто» обращаются многие исследователи поэзии И. Бродского [8; 10; 13; 16]. Как отмечает И. Служевская, «художественное мышление поэта» предстает «в виде постоянного противоборства экзистенциальных полюсов (“я” и “никто”, мир и “нигде”, бытие и небытие)», причем «в этих <...> оппозициях оба полюса живы и действенны» [16. С. 33]. Именно соотношение бытийности и ее ценностного отрицания очерчивает онтологический контур поэтического мира И. Бродского. С конца 1960-х гг. в его творчестве формируется своеобразная «поэтика потерь и исчезновений» [9], которая постепенно становится магистральным принципом конструирования художественного универсума, получая смысловое завершение в поздней лирике 1980-х–1990-х гг. Небытие в качестве центральной идеологемы поэтического мира продуцирует репрезентацию различных вариантов утраты бытийных связей на оси «я – универсум» и акцентированное проживание ухода лирического субъекта из изображаемой действительности, которые образуют событийный каркас поэтики И. Бродского.

В этом отношении особый интерес вызывает именно позднее творчество поэта, в котором категория небытия осмысляется как единственная перспективная точка человеческого существования. В поэтике И. Бродского 1990-х гг. онтологическое «Ничто» оказывается не только предметом рефлексивного осмысления, но и индексом верификации жизненного пути человека, что реализуется в специфике сюжетного строения целого ряда стихотворений поэта.

Начиная с 1993 г. и до итогового стихотворения «Август» (1996) в поэзии И. Бродского происходит разворот к классической форме текстостроения: «большие» стихотворные полотна и нетриви-

альные строфические структуры заменяются достаточно традиционными моделями, среди которых на первый план выходят 16-тистрочные тексты. Подобные стихотворения обнаруживают два типа организации: четырехкатренную и астрофическую, однако и в том, и в другом случае можно видеть определенное сходство сюжетного строения, в основе которого лежит событийное постижение небытия как ценностно-смысловой константы существования.

Представляется, что инвариантная модель сюжетного строения подобных стихотворений наиболее четко эксплицирует принципы поэтического постижения И. Бродским онтологической перспективы Мироздания, итоговой точкой которой оказывается бытийная опустошенность. Поэтому, рассматривая способы верификации категории небытия в позднем творчестве поэта, мы сосредоточим внимание на структурно-семантической организации именно «16-тистрочных» стихотворений И. Бродского.

Как известно, понимание сюжетной специфики лирического текста на сегодняшний день не имеет однозначного решения и осмысляется по-разному. Однако наиболее адекватным сущности лирического высказывания нам видится определение лирического сюжета, предложенное В.Я. Малкиной, согласно которому, он представляет собой «систему событийно-ситуативных элементов лирического произведения, данную с позиции лирического субъекта в процессе развертывания его рефлексии» [7. С. 13]. Данная дефиниция акцентирует два ключевых параметра сюжетостроения в лирике: субъектное самополагание в конструируемой реальности и событийность как динамическую основу развертывания художественного мира. Именно особое постулирование позиции лирического субъекта и его отношение к событийной трансформации миропорядка являются основой сюжетостроения в поздней поэтике И. Бродского, в результате которого верифицируется небытие как онтологический абсолют.

Итак, в указанных «16-тистрочниках» можно выделить определенные инвариантные точки сюжетного развертывания, так или иначе ведущие к констатации небытия как онтологическому итогу экзистенции. Исходным моментом поэтической рефлексии оказывается локализация изображаемой реальности в пространстве и времени. В облике конструируемого мира редуцируется антропологическое начало и на первый план выходит пейзажно-пространственное измерение универсума: «Хотя не имеет смысла, деревья еще растут. / Их можно увидеть в окне, но лучше издалека. / И воздух почти скандал, ибо так раздут, / что нетрудно принять боинг за мотылька» («Новая Англия» (1993)) [3. Т. IV. С. 139], «Вполне стандартный пейзаж, улучшенный наводнением. / Видны только кроны деревьев, шпиль и купола. / Хочется что-то сказать, захлебываясь, с волнением, / но из множества слов уцелело одно “была”» («Пейзаж с наводнением» (1993)) [3. Т. IV. С. 142], «Весна наступила внезапно, как будто за ночь выстроив / около сотни скворешников, где раздаются песни. / Всюду много цветов, как в кинофильме выстрелов, / и Март окликается на женское имя Нэнси» («На возвращение весны» (1994)) [3. Т. IV. С. 175]. Пространство здесь, хотя и индексировано человеческим присутствием («боинг», «шпиль», «купола», «скворешники»), но все же предстает в максимально обезличенном виде. Лирический субъект, обозначая собственную «точку зрения» («можно увидеть в окне», «хочется что-то сказать»), нивелирует свою эмпирическую причастность изображаемому миру.

Как констатирует А.М. Ранчин, «в противоположность экзистенциалистской индивидуализации Бродский в сочинениях последних лет <...> сознательно обезличивает авторское «Я», часто замечая субъективное высказывание регистрирующе-отрешенным описанием реальности, как бы увиденной глазом, отделенным от человека» [15. С. 165]. Такой отстраненный «взгляд» на окружающую действительность продуцирует ментальное «вживание» лирического субъекта в пространственную упорядоченность мира, акцентированное в последующих сегментах сюжетного развертывания рассматриваемых поэтических структур. Во 2-м катрене (или в тождественных ему строках астрофических стихотворений), как правило, универсум предстает во всей его витальной или предметной полноте.

Конкретизация действительности здесь может осмысляться в отрицательном регистре существования, что изначально эксплицирует движение субъектной рефлексии к точке онтологического исчезновения. Так, в стихотворении «Пейзаж с наводнением» «точка зрения» лирического субъекта фокусируется на отчуждаемом во вне «я», предстающем в виде телесного распада и, в силу этого распада, осознаваемом как пейзажно-интерьерная реалья универсума:

Так отражаются к старости в зеркале бровь и лысина,
но никакого лица, не говоря – муде.
Повсюду сплошное размытое устно-письменно,
сверху – рваное облако, и ты стоишь в воде [3. Т. IV. С. 142].

Размывание границ между индивидуально-эмпирическим и всеобщим сегментами пространства, подчеркнутое детализацией того и другого, усиливает ментальную направленность лирического высказывания к бытийному опустошению человеческого существования. Такая же семантика расподобления, акцентированная конкретикой пространственных координат изображаемого мира, определяет развитие сюжета в стихотворениях «Памяти Клиффорда Брауна» (1993) (Ср.: «Это – не просто льдина, одна из льдин, / но возражение теплу по сути. / Она одна в океане, и ты один / на ней; и пенье трубы как паденье ртути» [З. Т. IV. С. 131]) и «Осень – хорошее время года, если вы не ботаник...» (1995) (Ср.: «В небе без птиц легко угадать победу / собственных слов типа “прости”, “не буду”. / Точно считавшееся чувством вины и модой / на темно-серое стало в конце погодой» [З. Т. IV. С. 195]).

Предметная детализация пространства также может утверждаться в качестве бытийной константы, и в этом случае сюжетное развертывание текста устремляется к витальному полюсу миропредставления. Знаки природного или вещественного мира индексируют полноту существования, создавая иллюзию неустранимости созерцаемого миропорядка. Например, в стихотворении «Новая Англия» жизненный потенциал акцентирован незыблемостью древесно-растительного пейзажа:

Мы только живет не там, где родились – а так
все остальное на месте и лишено судьбы,
и если свести с ума требуется пустяк,
то начеку ольха, вязы или дубы [З. Т. IV. С. 139].

В стихотворении «О если бы птицы пели и облака скучали...» (1994) акцентируется смена интерьерных реалий, однако сутью этого изменения пространственной упорядоченности мира оказывается представление о постоянстве вещи:

А так – меняются комнаты, кресла, стулья.
И всюду по стенам то в рамке, то так – цветы.
И если бывает на свете пчела без улья
с лишней пылью на лапках, то это ты [З. Т. IV. С. 166].

«Деревья», «мебель», «цветы», являя собой иноприродный человеческому «я» мир и акцентируя неустранимость своего места в структуре универсума, усиливают ценностно-смысловую дистанцию между природно-вещественным и антропологическим измерениями Мироздания. Постоянство первого вступает в принципиальный конфликт с темпоральной обусловленностью второго.

Именно ситуативное осознание стабильности внечеловеческого бытия, из которого под воздействием энтропии времени человек неизбежно устраняется, переводит сюжетное развитие текста в план онтологического противостояния «частного» и «всеобщего», «личного» и «надындивидуального», что реализуется в 3-м (в некоторых случаях – во 2-м) катрене «16-тистрочных» стихотворений И. Бродского. В этой точке сюжетостроения моделируется ситуация преодоления времени посредством отказа от эмпирически ограниченного видения мира. Лирический субъект здесь занимает такую «точку зрения», которая позволяет ему выйти за пределы собственного «я». Как указывает И.В. Фоменко, ключевой особенностью поэтики И. Бродского является «утверждение равновеликости, а потому равноправия разных точек зрения и одновременно ограниченности каждой из них» [18. С. 33]. Именно принятие «чужой» позиции существования как равноценной собственному месту в мире способствует ментальному переходу к внечеловеческому видению универсума.

Подобная трансформация субъектного «взгляда» может предстать в качестве ценностного «вживания» в иноприродную бытийность, и сопротивление разрушительному действию времени утверждается посредством онтологического двойничества. Рассматривая систему двойников в поэзии И. Бродского, В.П. Полухина отмечает, что лирический субъект в творчестве поэта уравнивается «с самыми гетерогенными предметами и явлениями», и «структурируется это тождество прежде всего средствами предельной подвижности точек обозрения – как самого себя, так и всего окружающего мира» [11. С. 80]. В рассматриваемых стихотворениях принятие идеологической «точки зрения» двойника, обладающего нечеловеческой природой, срастание с его сущностью, эксплицирует устремленность лирического субъекта к тем пределам экзистенции, за которыми эмпирика «частного» «я» сменяется универсальностью существования как такового. Такими иноприродными двойниками предстают «льдина» («Это не просто льдина, одна из льдин, / но возражение теплу по сути. / Она одна в океане, и ты один / на ней; и пенье трубы как паденье ртути» («Памяти Клиффорда Брауна»))

[З. Т. IV. С. 131]), «лист» («Чем мускулистей корни, тем осенью больше бздо, / если ты просто лист. Если ты, впрочем, он, / можно пылать и ночью, включив гнездо, / чтоб, не будя, пересчитать ворон» («Новая Англия») [З. Т. IV. С. 139]), «пчела» («И если бывает на свете пчела без улья / с лишней пылью на лапках, то это ты» («О если бы птицы пели и облака скучали...») [З. Т. IV. С. 166]), «созвездия» («С другой стороны, взять созвездия. Как выразился бы судья, / поскольку для них скорость света – бедствие, / присутствие их суть отсутствие, и бытие – лишь следствие / небытия» («В следующий век» (1994)) [З. Т. IV. С. 171]), «вода» («Ты знаешь, что я – твое будущее: воронка, / одушевленный стояк и сопряжен с потерей / перспективы; что впереди – волокна, / сумрак внутренностей, не говоря – артерий» («Стакан с водой» (1995)) [З. Т. IV. С. 197]). Как видно, отождествление лирического субъекта с данными предметами, существами и явлениями, с одной стороны, утверждает отказ от антропоцентрического видения мира и тем самым расширяет диапазон субъектных представлений о Мироздании, а с другой – вскрывает абсолютность движения универсума в пустоту, так как и нечеловеческое бытие подвержено распаду и уничтожению.

Иным способом изменения перспективы видения является удваивание пространственного плана субъектной «точки зрения», посредством которого он моделирует «взгляд» на мир и на собственное место в мире с позиции небытия, из пространства, не подверженного воздействию времени. Такой оборотной стороной упорядоченности Мироздания оказывается или безграничность космоса, сутью которого мыслится мертвая неподвижность («<...> и капля, сверкая, плывет в зенит, / чтобы взглянуть на мир с той стороны сетчатки» («Памяти Клиффорда Брауна») [З. Т. IV. С. 131]; «О если б прозрачные вещи в густой лазури / умели свою незримость держать в узде / и скопом однажды сгуститься – в звезду, в слезу ли – / в другом конце стратосферы, потом – везде» («О если бы птицы пели и облака скучали...») [З. Т. IV. С. 166]), или пространство, принципиально лишённое человеческого присутствия, тождественное миру смерти («Мы – на раскопках грядущего, бьющего здесь ключом, / то есть жизни без нас, уже вывозимой за море / вследствие потной морзянки и семафора в чем / мать родила, на память о битом мраморе» («Византийское» (1994)) [З. Т. IV. С. 169]; «Там – эпидемия на сморка, так как цветы не пахнут, / и ропот листвы настойчив, как доводы дурачья, / и город типа доски для черно-белых шахмат, / где побеждают желтые, выглядит как ничья» («Из Альберта Эйнштейна» (1994)) [З. Т. IV. С. 172]).

Таким образом, «взгляд» на универсум с позиции иноприродного двойника или из внечеловеческого пространства, вскрывающий неотвратимость исчезновения всех явлений и предметов, существование которых определяется пространственно-временной обусловленностью, порождает финальную ситуацию в структуре лирического сюжета, получающую принципиально событийный статус. Согласно Ю.М. Лотману, «событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» [б. С. 282], в результате которого происходит необратимое изменение в изображаемой реальности. В поздней поэтике И. Бродского подобным пересечением смысловых пределов моделируемого мира предстает констатация наступления небытия как универсального итога существования всего Мироздания. Именно онтологический переход в «ничто», осознаваемый и принимаемый лирическим субъектом в качестве единственной перспективы темпорального движения универсума, оказывается результирующим событием развертываемых в тексте лирических ситуаций.

В 4-м, финальном, катрене рассматриваемой инвариантной модели текстостроения в центр поэтической рефлексии помещается распад бытийных связей внутри стираемого временем мира, ведущий к тотальному исчезновению любой экзистенции. Событийность такого расподобления миропорядка реализуется в трех возможных вариантах.

В первом случае итоговое событие предстает как осознание неотвратимой близости небытия. Перехода в пустоту здесь не происходит, но констатируется его неизбежность. Так, в стихотворении «Памяти Клиффорда Брауна» знак «льдина», который, являясь онтологическим двойником лирического субъекта, метонимически его замещает, маркирует необратимость движения в небытие:

Это – просто сетчатка, это – с искрой парча,
новая нотная грамота звезд и полос.
Льдина не тает, словно пятно луча,
дрейфуя к черной кулисе, где спрятан полюс [З. Т. IV. С. 131].

Как видно, в структуре изображаемого мира здесь акцентированы его пространственно-временные параметры. Как указывает В.И. Тюпа, «то, что фиксируется как событие, есть прежде все-

го событие каких-то факторов во времени и пространстве, а не в вечности и безмерности» [17. С. 25]. Так как событие всегда является феноменальной трансформацией картины мира, то оно требует конкретизации в определенном бытийном локусе. В данном случае событийность локализуется в имплицитно полагаемом морском пространстве. В свою очередь «полюс» как конечная точка существования, вынесенный в сильную позицию финала стихотворения, свидетельствует о ценностном принятии исчезновения в качестве онтологического события, в котором сознает себя лирический субъект. Отметим, что данный пространственный знак предстает дериватом одного из устойчивых в поэтике И. Бродского символов – «острия» («пика»), основным значением которого является восхождение к абсолютному времени, тождественному смерти (Ср.: «Местность, где я нахожусь, есть пик / как бы горы. Дальше – воздух, Хронос» («Колыбельная Трескового мыса» (1975)) [3. Т. III. С. 89]).

Движение в небытие как событийное свершение также результирует сюжетное развертывание таких «16-тистрочных» стихотворений, как «Пейзаж с наводнением» (Ср.: «Ясно, что долго накапливалось – в день или в год по капле, чьи / пресные качества грезят о новых соленых га. / И в пору поднять перископом ребенка на плечи, / чтоб разглядеть, как дымят вдали корабли врага» [3. Т. IV. С. 142]), «В разгар холодной войны» (1994) (Ср.: «И постоянно накапывает, точно природа мозгу / хочет сто-то сообщить; но, чтоб не портить крови, / шепчет на местом наречье. А ежели это – Морзе, / кто его расшифрует, если не шифер кровли?» [3. Т. IV. С. 170]), «Осень – хорошее время года, если вы не ботаник...» («Остановись, мгновенье, когда замирает рыба / в озерах, когда достает со вздохом из гардероба / природа мятую вещь и обносит оком / место побитое молью, со штопкой окон» [3. Т. IV. С. 195]).

Вторым вариантом репрезентации событийных изменений является констатация наступления небытия как факта изображаемой реальности. Так, в стихотворении «О если бы птицы пели и облака скучали...» в финале сюжетного развития акцентировано «окаменение» и «застывание» локуса, в котором находится лирический субъект:

Но, видимо, воздух – только сырье для кружев,
распятых на пьльцах в парке, где пасса царь.
И статуи стыннут, хотя на дворе – бесстужев,
казненный потом декабрист, и настал январь [3. Т. IV. С. 166].

Знак «статуи», обозначающий в поэтике И. Бродского, как указывает А.Г. Разумовская, «переходную форму между существованием и небытием, между человеком и “совершенным ничто”» [14. С. 78], отождествляясь с персонифицированным календарным временем, индексирует прекращение витального движения мира. Поэтому в темпоральной семантике «января» актуализируется значение смерти как абсолютного бытийного итога.

Такой же процесс окончательного обращения мира в «ничто», взятый во всечеловеческом измерении, определяет событийный апогей в структуре стихотворения «Из Альберта Эйнштейна»: «Так смеркается раньше от лампочки в коридоре, / и горную цепь настораживает сворачиваемый вигвам, / и, чтоб никуда не ломиться за полночь на позоре, / звезды, не зажигаясь, в полдень стучатся к вам» [3. Т. IV. С. 172]. Как видно, наступление небытия здесь индексируется семантикой сумерек и стиранием следов человеческого присутствия в мире («сворачиваемый вигвам»). Абсолютность перехода в онтологическую пустоту маркируется знаком «звезды», который обозначает вторжение бесчеловечного космоса в мир земного существования, акцентированного разрушением привычного миропорядка («в полдень стучатся к вам»).

Третий вариант событийности в поздней поэтике И. Бродского связан с провиденциальным постижением абсолютного грядущего, в котором Мироздание обречено на тотальное исчезновение. В этом случае небытие мыслится как отдаленная перспектива человеческого существования, но неизбежность его наступления продуцирует проникновение лирического субъекта в будущее состояние мира. Лирический герой здесь совершает выход за пределы собственной темпоральной обусловленности, в силу чего его «точка зрения» характеризуется принципиальным всеведением:

Когда-нибудь всем, что видишь, растопят печь,
сделают карандаш или, Бог даст, кровать.
Но землю, в которую тоже придется лечь,
тем более – одному, можно не целовать

(«Новая Англия») [3. Т. IV. С. 139].

И ежели нас в толпе, тысячу лет спустя,
окликнет ихний дозор, узнав нас по плоскостопию,
мы прикинемся мертвыми, под каблуком хрустя:
подлиннику пустоты предпочитая копию

(«Византийское») [3. Т. IV. С. 169].

Именно провиденциальность субъектного «взгляда» наделяет статусом события грядущий переход в небытие. Так как с позиции «чистого» времени, поглотившего пространство и завершившегося, единственной возможной координатой восприятия действительности является прошлое, неизбежность предстоящего в отдаленном будущем исчезновения человека и всего универсума мыслится как уже свершившийся факт. Соответственно, грамматическое время в структуре лирического высказывания утрачивает дейктические функции: в перспективе небытия все существующее (по крайней мере – то, что втягивается в ценностно-смысловую орбиту человеческого «я») мыслится фактом прошлого, явлением, поглощенным «ничто». Такое представление об экзистенции как неизбежном уходе в абсолютное прошлое четко формулируется в исходной точке субъектной рефлексии в стихотворении «Август» (1996): «Маленькие города, где вам не скажут правду. / Да и зачем вам она, ведь все равно – *вчера*» [3. Т. IV. С. 204] (курсив наш. – А. Ч.).

Укажем, что реорганизация темпоральных отношений, в основе которой лежит тотальное подчинение настоящего и будущего планов времени прошлому, в поздней поэтике И. Бродского оказывается смысловым центром художественной онтологии. По наблюдениям А.В. Корчинского, в творчестве поэта «происходит “опространствование” времени в процессе дискурсивного развертывания фигуры лирического субъекта», в результате чего «повсеместно происходит распад вездесущего ранее настоящего времени» [5. С. 66]. Соответственно, все эмпирические феномены существования, попадающие в поле зрения лирического субъекта, регистрируются его «я» как явления прошлого, стираемые энтропией времени.

Такое представление о времени как тотальном прошлом способствует увеличению дистанции между субъектом и происходящим в моделируемом мире, акцентируя его внеаходимость по отношению к репрезентируемым ситуациям. Так, в начале стихотворения «Она надевает чулки, и наступает осень...» (1993) субъектная «точка зрения» фокусируется на принципиально другом «я», явленном женским персонажем, облик и действия которого маркируют трансформацию универсума:

Она надевает чулки, и наступает осень;
сплошной капроновый дождь вокруг.
И чем больше асфальт вне себя от оспин,
тем юбка длинней и острей каблук [3. Т. IV. С. 133].

Процесс одевания женщины, обозначающий угасание сексуального влечения, сопрягается с природным увяданием мира и намечает приближение к онтологической границе существования. Дальнейшее метафорическое уподобление женского тела античной архитектуре индексирует осознание лирическим субъектом опустошения мира: «Теперь только двум колоннам белеть в исподнем / неловко. И голый портик зарос. С любой / точки зрения, меньше одним Господним / Летом, особенно – в нем с тобой» [3. Т. IV. С. 133]. Мотив «окаменения» здесь вскрывает действие энтропии времени, в результате которого происходит распад витальной целостности универсума. Исчезновение привычных реалий человеческой жизни предстает в качестве создаваемой и стоически принимаемой нормы приближения к бытийному рубежу: «Теперь если слышится шорох, то – звук ухода / войск безразлично откуда, знамен трепло. / И лучше окликнуть по имени время года, / если нельзя удержать тепло» [3. Т. IV. С. 133]. Так как лирический субъект максимально отстраняется от проживания развертываемой ситуации, в семантике «ухода» актуализируется значение всеобщности. Распад мира мыслится универсальным процессом, в результате которого личная индивидуальность поглощается надиндивидуальным «ничто», что вскрывается в финальной точке сюжетного развертывания:

Но, видно, суставы от клавиш, что ждут бемоля,
себя отличить не в силах, треща в хряще.
И в форточку с шумом врывается воздух с моря
– оттуда, где нет ничего вообще [3. Т. IV. С. 133].

Эксплицируя себя в диегесисе посредством «телесной» метонимии («суставы»), лирический субъект акцентирует срастание человеческого «я» с вещественно-предметной реальностью, маркирующей наступление небытия. Сюжетное развертывание текста за счет усиления фабульных элементов получает нарративную динамику, репрезентирующую ключевое событие лирического высказывания: проникновение абсолютного «ничто» в упорядоченный мир «частного» существования. «Форточка» как знак интимно-личного локуса и «море», в поэтике И. Бродского чаще всего обозначающее время как таковое [15. С. 45-46], соединяясь на синтагматической оси текстового строения, продуцируют идеологему темпорального поглощения эмпирической конкретики человеческого мира надындивидуальным небытием. Таким образом, в сюжетном строении данного стихотворения ситуация ментального прощания с прошлым (распад интимных связей с героиней) порождает событие перехода в тотальную пустоту, осмысляемую в качестве онтологической универсалии.

Универсальность постижения небытия в рассматриваемых «16-тистрочниках» И. Бродского реализуется прежде всего за счет субъектного выхода за пределы собственного «я». Как отмечает В.П. Полухина, «человек в миротексте Бродского одновременно и больше человека, и меньше оно. Больше – когда ему удастся выйти в духовные сферы; меньше – когда он отождествлен с вещью» [12. С. 63]. Бытийное «уменьшение» субъектного «я», как отмечено выше, определяется системой двойников и принятием их «точки зрения». Расширение же перспективы мировидения и наделение ее сверхиндивидуальным статусом, так же связанное с отказом от собственной эмпирической идентичности, в лирике поэта акцентируется посредством автопрезентации лирического субъекта. В онтологическом аспекте сюжетостроения стихотворений И. Бродского можно выделить три основных способа универсализации субъектного самополагания в координатах изображаемого универсума, определяя их как «пространственно-временную вневенность» (рассмотренную нами выше), «личную дивергенцию» и «всеобщую дивергенцию».

О личном расподоблении человека и мира можно говорить, в том случае, когда лирический субъект акцентирует свою причастность изображаемому миру. Так в стихотворениях «Меня упрекали во всем, окоромя погоды...» (1994), «Стакан с водой» (1995) и «Корнелию Долабелле» (1995) субъектная позиция характеризуется отчетливой индивидуальностью «я» и демонстрирует онтологическое равенство самому себе как малой части огромного универсума (Ср: «Меня упрекали во всем, окромя погоды, / и сам я грозил себе часто суровой мздой. / Но скоро, как говорят, я сниму погоны / и стану просто одной звездой» [3. Т. IV. С. 173]). Заданные границы между «я» и «другими» определяют развитие лирического сюжета в направлении личного исчезновения. В структуре высказывания здесь также акцентируется пространственная упорядоченность Мироздания и антиномия «частного» и «всеобщего», однако они раскрываются с позиции индивидуальной экзистенции. Поэтому в репрезентации события перехода в небытие онтологический распад не получает тотального завершения, и связи «я» с эмпирической реальностью сохраняются: «И если за скорость света не ждешь спасибо, / то общего, может, небытия броня / ценит попытки ее превращения в сито / и за отверстие поблагодарит меня» [3. Т. IV. С. 173]. Индивидуализация опыта приобщения к «ничто» не позволяет лирическому субъекту окончательно переступить границу между бытием и небытием, жизнью и смертью.

«Личная дивергенция» характерна и для стихотворений, в которых видение реальности дается с «точки зрения» субъектного «мы» («В воздухе – сильный мороз и хвоя...», «Византийское», «На возвращение весны»). Позиция обобщенного лирического субъекта, естественно, повышает градус всеохватности действия энтропии времени, однако и в ней проживание «процедуры небытия» не получает ценностного завершения: «мы» мыслится в координатах хотя и распадающегося, но все еще существующего мира:

Помянем нынче вином и хлебом
жизнь, прожитую под открытым небом,
чтоб в нем и потом избежать ареста
земли – поскольку там больше места

(«В воздухе – сильный мороз и хвоя...») [3. Т. IV. С. 168].

«Всеобщая дивергенция» реализуется в том случае, когда лирический субъект выходит за пределы собственного «я», ментально отстраняясь от изображаемой реальности. Подобное преодоление эмпирических границ существования происходит посредством «инклюзивной» адресации, то есть использовании грамматических форм 2-го лица в обобщенно-личном значении. «Имплицирование

позиции Я в эксплицитном ТЫ (ВЫ)» [13. С. 47] способствует синкретизму позиций субъекта, адресата и персонажа, что создает эффект «причастной непричастности» моделируемому художественному миру.

Объективация субъектного «я» во всеобщее «ты» / «вы» в поздней поэтике И. Бродского вскрывает ситуативную динамику верификации небытия, и сюжетное строение текста за счет усиления фабульных элементов приобретает нарративный характер (формируется своеобразное «повествование от 2-го лица»). К таким лирическим нарративам следует отнести такие «16-тистрочные» стихотворения, как «Памяти Клиффорда Брауна», «Итака», «Пейзаж с наводнением», «Август». Так, в стихотворении «Итака» (1993) лирический субъект, структурно занимая позицию венаходимости, повествует о событиях, происходящих с адресатом-персонажем, предстающим в облике Одиссея – одного из центральных мифологических двойников субъектного «я» в позднем творчестве И. Бродского [4. С. 203-204]:

Воротиться сюда через двадцать лет,
отыскать в песке босиком свой след.
И поднимет барбос лай на весь причал
не признаться, что рад, а что одичал.

Хочешь, скинь с себя пропотевший хлам;
но прислуга мертва опознать твой шрам.
А одну, что тебя, говорят, ждала,
не найти нигде, ибо всем дала

Твой пацан подрос; он и сам матрос,
и глядит на тебя, точно ты – отброс.
И язык, на котором вокруг орут,
разбирать, похоже, напрасный труд. [3. Т. IV. С. 138].

Однако, несмотря на формальное расподобление субъекта и адресата-Одиссея, ментально они отождествляются. Поэтому нарративное развертывание сюжета, в котором излагаются события возвращения античного героя в родное пространство, взятое в отрицательном регистре, мыслится повествованием о невозможности возврата в прошлое, что является всеобщим законом существования. Всеобщий характер расподобления «я» и окружающего мира, заданный «инклюзивным» принципом субъектного самополагания в моделируемой реальности, в результате продуцирует свершения итогового события – наступление небытия: «То ли остров не тот, то ли впрямь, залив / синевой зрачок, стал твой глаз брезглив; / от куска земли горизонт волна / не забудет, видать, набегая на» [3. Т. IV. С. 138]. Как известно, «событийность – это свойство, подлежащее градуации, т.е. изображаемые в нарративном произведении изменения могут быть событийными в большей или меньшей степени» [19. С. 18]. Соответственно, дивергенция человека и универсума, эксплицированная в финальном катрене, снижает степень событийности ситуаций (не) возвращения героя, представляя их точками восхождения к абсолютному «ничто», явленному здесь «морским» знаком «волна».

Итак, подводя некоторые итоги, можно констатировать, что «16-тистрочные» стихотворения И. Бродского, написанные в 1993–1996 гг., обладают инвариантной моделью сюжетостроения, в которой обнаруживаются идентичные точки текстового развертывания. Такими базовым компонентам сюжетной структуры, соотносимыми каждым из четырех катренов, являются: 1) ситуативное самополагания «я» (или универсума в целом) в предельно конкретной вещественной упорядоченности универсума; 2) акцентирование пространства во всей его витальной или предметной полноте; 3) экспликация в пространственных координатах изображаемого онтологического противостояния «частного» и «всеобщего», «личного» и «надындивидуального»; 4) репрезентация события перехода в небытие, представляющего в качестве онтологической универсалии.

Констатация события небытия в поздней поэтике И. Бродского получает три основных варианта реализации, зависящие от постулирования субъектной «точки зрения». В случае, когда лирический субъект занимает позицию пространственной венаходимости по отношению к изображаемой реальности, событийный статус получает ситуация вторжения небытия в вещественный и антропологически упорядоченный мир. В стихотворениях, где лирический субъект оказывается вовлеченным в бытийные перипетии моделируемого мира в качестве акцентированного «я» («мы»), наступление «пус-

тоты» мыслиться ближайшей, но еще не наступившей перспективой существования. В текстовых структурах, где высказывание принадлежит обобщенно-личному субъекту и сюжетное строение за счет усиления фабульных элементов получает нарративное развертывание («повествование от 2-го лица»), небытие предстает в качестве свершившегося события.

Как видно, в позднем творчестве поэта происходит своеобразное «выращивание» небытия из некоего ситуативно-событийного контекста, в котором актуализируется ценностно-смысловая позиция лирического субъекта и / или персонажа и которое определяет вектор сюжетного развертывания. Осознание себя в «моменте единого и единственного открытого события бытия» [1. С. 173], которому причастно человеческое «я», здесь оборачивается онтологической противоположностью: свершающееся наступление небытия является целью и итогом бытийного самоопределения лирического субъекта, вовлекаемого в ситуативную многомерность исчезновения индивидуального «я» и человеческого мира в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 69-263.
2. Бродский И.А. Большая книга интервью. М: Захаров, 2000. 704 с.
3. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. / под общ. ред. Я.А. Гордина. СПб.: Пушкинский Фонд, 2001.
4. Ковалева И.И. Античность в поздней лирике И. Бродского // Литература, культура и фольклор славянских народов. М.: МГПУ, 2002. С. 196-212.
5. Корчинский А.В. «Событие письма» и становление нарратива в лирике Бродского // Критика и семиотика. 2003. № 6. С. 56-66.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
7. Малкина В.Я. К проблеме определения лирического сюжета // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». № 2 (45). М.: РГГУ, 2010. С. 11-14.
8. Медведева Н.Г. «Муза утраты очертаний»: «Память жанра» и метаморфозы традиции в творчестве И. Бродского и О. Седаковой. Ижевск: УдГУ, 2006. 376 с.
9. Павлов М.М. Поэтика потерь и исчезновения // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. СПб.: Журнал «Звезда», 1998. С. 22-29.
10. Плеханова И.И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Под знаком бесконечности: Эстетика метафизической свободы против трагической реальности: Ч. 2. Иркутск: ИГУ, 2001. 302 с.
11. Полухина В.П. Больше одного: двойники в поэтическом мире Бродского // Полухина В.П. Больше самого себя. О Бродском. Томск: ИД СК-С, 2009. С. 7-88.
12. Полухина В.П. Ландшафт лирической личности в поэзии Иосифа Бродского // Полухина В.П. Больше самого себя. О Бродском. Томск: ИД СК-С, 2009. С. 57-69.
13. Радбиль Т. «Речь от второго лица»: образ адресата в лирике И. Бродского // Иосиф Бродский: стратегии чтения. М.: РГГУ, 2005. С. 44-48.
14. Разумовская А.Г. И. Бродский: метафизика сада. Псков: ПГПУ, 2005. 112 с.
15. Ранчин А.М. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 464 с.
16. Служевская И. Поздний Бродский: путешествие в кругу идей // Бродский и мир. Метафизика. Античность. Современность. СПб.: Журнал «Звезда», 2000. С. 9-35.
17. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь: ТГУ, 2001. 58 с.
18. Фоменко И.В. О двух особенностях лирики И. Бродского // Фоменко И.В. Три статьи о поэтике. Пушкин. Тютчев. Бродский. Тверь: ТГУ, 2002. С. 29-36.
19. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Поступила в редакцию 20.04.17

A.A. Chevtaev

THE EVENT ONTOLOGY OF NON-BEING: ON SOME MODEL OF PLOT STRUCTURE IN THE LATE POETICS BY J. BRODSKY

The article discusses the plot representation of non-being in the later poetry by J. Brodsky. Since 1993 and prior to the final poem "The August" there occurred a turn to the classical form of the structure of the text in the poet's work, and 16-line verse texts came to the foreground. The texts implement the event comprehension of nothingness as a value-

semantic constant of the worldview of the lyrical subject and the only promising point of human existence. In such structures, in the late J. Brodsky's poetics, it is possible to allocate universal points of the plot deployment, somehow leading to the approval of non-being as the ontological result of the movement of the world order. The lyrical plot here consists of identical event nodes: 1) the statement self-presentation of "I" in material orderliness of the universe; 2) accentuation of space in its physical entirety; 3) conversion of the depicted situation in the plan of ontological confrontation between "private" and "universal" principles; 4) representation of the ongoing approximation of nothingness, comprehended as the absolute completion of existence. This model of the plot structure in the late poetics by J. Brodsky not only submits non-being as a reflexive-approved ideologeme, but produces it from the general logic of situational-moments of human life. In 16-line verse poems, written in 1993–1996, J. Brodsky shows how a single and eternal "event of being" (M. Bakhtin) turns into its ontological opposite: the ongoing approximation of nothingness is the aim and the result of existential self-determination of the lyrical subject being involved in the situational multidimensionality of disappearance of the individual "I" and the human world as a whole.

Keywords: J. Brodsky, lyrical subject, representation of non-being, lyrical structure of plot, space, eventfulness, artistic ontology.

Чевтаев Аркадий Александрович,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гидрометеорологический университет»
190103, Россия, г. Санкт-Петербург, Рижский пр., 11
E-mail: achevtaev@yandex.ru

Chevtaev A.A.,
Candidate of Philology, Associate Professor
at Department of Russian language and literature
Russian State Hydrometeorological University
Rizhsky avenue, 11, St. Petersburg, Russia, 190103
E-mail: achevtaev@yandex.ru